

Русская миссис Ватсон

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Татьяна Александровна Ватсон совсем непохожа на иностранку. Поговоришь с ней – обычная русская пенсионерка. «Да наша она, вологодская», – улыбаются в селе Покровском – на Вологодчине, где родились и жили предки Татьяны Александровны – дворяне Брянчаниновы, и куда она, подданная Австралии, приезжает уже в течение двенадцати лет.

Верой и правдой служили Брянчаниновы русскому государству еще при великом князе Дмитрие Донском, оруженосцем которого был, согласно одной из легенд, родоначальник этого рода Михаил Бренко. Другой именитый родственник Татьяны Александровны – святитель Игнатий Брянчанинов, ему она приходится, хоть и не в первом поколении, но внучатой племянницей. На Ярославской земле память Брянчанинова почитают особо. Здесь, в Николо-Бабаевском монастыре, что в полутора километрах от райцентра Некрасовское, провел он последние годы жизни. Мощи же Брянчанинова покоятся ныне в Свято-Введенском Толгском монастыре.

О святителе Игнатии Татьяна Александровна слышала от своих родных с тех самых пор, как помнит себя. Родилась она в Чехии, куда семью ее деда Владимира Николаевича, последнего из рода Брянчаниновых по мужской линии, в тридцатые годы прошлого столетия занесли вихри Октябрьской революции.

А началось все темной ночью 1918 года, когда семью Владимира Николаевича Брянчанинова разбудил стук в дверь. Кто-то из местных крестьян, узнав о готовящемся аресте и расстреле, решил не только предупредить Владимира Николаевича об этом, но и помочь спастись.

В одночасье собрав все самое необходимое, тронулись в путь. Крестьяне проводили Брянчаниновых до железнодорожного вокзала, посадили на московский поезд, а в дорогу дали еще и хлеба. Думал ли тогда о возвращении в милое свое Покровское Владимир Николаевич – как знать? Но всю жизнь возил он собой фотографию дома с мезонином. Для маленькой Тани изображение на ней было почти сказкой, которую не раз рассказывал дед, устроив девочку у себя на коленях.

В восемнадцатом Брянчаниновым пришлось бежать из Москвы, где Владимира Николаевича тоже чуть не расстреляли. С белой армией они отступали в Краснодар и дальше, к Черному морю. Потом были Турция, Болгария, где дедушке все-таки нашлась работа. Помогли военные друзья, в Первую мировую войну он был на фронте как представитель Красного Креста, организацией помощи беженцам занялся и в Болгарии. Где

только не жили тогда русские. Брянчаниновы переехали в Чехию прежде всего из-за детей.

– Первыми отправились мама и ее сестра Наташа, – рассказывает Татьяна Александровна, – у них уже были дети, а в Чехии открылась очень хорошая русская гимназия. Образование в ней давали такое, что, не теряя духовной связи с родиной, Россией, дети могли на равных с чехами поступать в высшие заведения этой страны, приобретать любую профессию.

Потом приехали бабушка и дедушка, и там им тоже нашлась работа. Дедушке – в маленькой больничке при гимназии. Так воссоединилась вся семья.

Перед Второй мировой войной Брянчаниновы оказались в Праге. Здесь тоже было много русских, в том числе и священников. Один из них – владыка Сергей – сумел собрать и объединить соотечественников – монархистов и немонархистов, интеллигенцию, дворянство и простых людей – под лозгом Русской православной зарубежной церкви.

– Он собирал у себя каждый четверг за самоваром всех, кто хотел общения, – вспоминает Татьяна Александровна. – Сам варил варенье, всех угощал. За самовар сидели все во главе с владыкой. Мне страшно нравилось, как некоторые выливали чай на блюдце, ставили его на пальцы и так пили.

С улыбкой вспоминает она и то, как училась готовить, когда жила с родителями. Мама делать этого не умела и, когда требовалось, посылала дочку к соседям, якобы Таня хочет угостить чем-нибудь вкусненьким маму, когда та придет домой. Получив рецепт и инструкцию к действию, девочка передавала их маме, и они вместе пекли или варили это что-нибудь. Самой вкусной, говорит Татьяна Александровна, была жареная картошка с луком. И раз в месяц они делали котлеты.

Однако большая часть детства ее прошла все-таки в окружении бабушки и дедушки, которые и там, на чужбине, чувствовали себя прежде всего русскими православными людьми. Ходили в церковь, дома читали духовную литературу, жития святых. Читали и произведение святителя Игнатия, которого дедушка очень уважал.

В Австралии же Татьяна Александровна оказалась в пятидесятых годах.

– Пришлось бежать из Чехии в 1949-м, когда и там начался коммунизм. Мы ждали освобождения от немцев, как и все, но когда пришли советские солдаты, тут же начались аресты русских. Многих расстреляли, а другие пропали бесследно.

Из Праги родители Татьяны Александровны бежали поначалу в Вену. А бабушка и дедушка оказались во Франции, там были другие родственники, знакомые, да и отношение французов к русским было более теплым, чем в других странах Европы, объясняет она, с горечью вспоминая и то, что на целых десять лет пришлось ей расстаться со стариками.

Послевоенный мир пополнился русскими беженцами. А Европа уменьшилась для них за счет стран, где к власти пришли коммунистические партии. Несогласных с ними, как и в России, в Советском Союзе, ждали проблемы, которые решались особыми мерами перевоспитания. Но проблемы были и у тех, кто бежал от коммунизма. Да, иной мир, другие страны принимали беженцев, но никто не подносил им там деньги на блюдечке с

голубой каемочкой, не предоставлял бесплатно квартиры или хотя бы комнаты. За все и везде надо было платить, все и везде брать трудом и терпением, вновь и вновь доказывая, чего же ты стоишь в этой жизни.

Татьяна Александровна училась в Англии, тогда-то она и навестила бабушку к дедушкой, живущих в Париже, но это была уже последняя их встреча. Владимир Николаевич Брянчанинов умер в 1963 году, а три года спустя отошла в вечность и его супруга Софья Алексеевна Брянчанинова, урожденная Татищева.

Вот уже более полувек живет в Австралии Татьяна Александровна Ватсон. Она мечтала стать врачом, но закончив медицинский колледж и получив образование медсестры, продолжила его в другом высшем учебном заведении, избрав профессию психолога. Училась долго, целых 14 лет, совмещая учебу с работой, воспитанием детей. До пенсии, на которую вышла в 55 лет, работала преподавателем психологии и здравоохранения. И все это время была активной прихожанкой православных храмов в Австралии, где бы ни пришлось жить, сколько бы забот ни было на ее хрупких плечах. Точно так

же, как ее бабушка и дедушка, там, в Австралии, она помогала организовывать приходы, собирая вокруг них русских людей. Выкупать землю под строительство храмов и собирать средства на них. В каждом штате Австралии есть сейчас русская православная церковь и община. Но новые русские, которых нынче немало на этом континенте, гораздо реже заходят в них, чем старые русские австралийцы. Зайдут, поставят свечу, и все, рассказывает с сожалением Татьяна Александровна.

Среди новых много женщин, решивших по Интернету выйти замуж за австралийцев. В реальности все оказывается далеко не так, как, наверное, рисуется этим девушкам в их мечтах. И православная марфо-мариинская ассоциация, которую возглавляет Татьяна Александровна Ватсон, помогает теперь им обрести хотя бы крышу над головой на первое время, прокормиться.

Создавалось же общество для помощи людям престарелым, тем русским, кто, как и Татьяна Александровна, оказался в Австралии в середине прошлого века. Тогда эта молодая страна приняла массу беженцев из Европы и Китая, среди которых было немало русских.

– Когда мы приехали сюда, – рассказывает Т. Ватсон, – можно было на месяц уезжать в отпуск и не заирать дом, квартиру. Воровства не было. Не было и убийств на улицах, наркотиков. Сейчас Австралия не лучше Америки в этом отношении.

– Ну а когда же и как состоялась ваша встреча с Россией? – спрашиваю ее.

– Мне всегда хотелось побывать здесь. От родных я знала, что в Ленинграде у нас есть родственница тетя Соня Толстая, кстати, родственница писателя Алексея Толстого. Мы встретились с ней в восьмидесятые годы в Ленинграде. Но она ничего не знала о Покровском, не знала даже, существует ли оно. Тетя Соня помогала мне приезжать в Россию, но это были строго регламентированные поездки. Я побывала в Москве, Новгороде, посетила Ташкент, Душанбе, Среднюю Азию, но Покровское было самой заветной мечтой.

Однажды в Австралии уже в девяностые годы Татьяна Александровна случайно познакомилась с капитаном русского торгового судна, который и взял за меня билет в Покровское. Вернувшись на Родину, он просто сел в машину и поехал на Вологодчину. Отмахав 700 километров, оказался в Покровском, где и нашел стоящим на прежнем месте дом-усадебу Брянчаниновых, в которой к тому времени закончил свое пребывание детский кост-

но-туберкулезный санаторий. Фотографии дома и усадьбы он вскоре привез в город Перт, в Австралию, Татьяне Александровне Ватсон. Привез и горстку земли, взятой на старинном покровском кладбище. Но мама Татьяны Александровны этого подарка не дождалась, на сороковой день ее смерти Ватсоны прикопали к ее могиле на русском кладбище покровскую землю.

А в 1994 году Татьяна Александровна уже сама приехала на родину матери и всех своих предков Брянчаниновых. Приехала в детскую свою сказку – Покровское. От былого здесь, правда, мало что осталось. Дом нуждался в большом капитальном ремонте, парк за ним – в тщательнейшем уходе и лечении. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, где крестили, венчали и отпевали не одно поколение славного русского рода Брянчаниновых, встретила Татьяну Александровну четырьмя пустыми стенами, ни крестов, ни куполов не было. Разрушена оказалась и колокольня. Но все это не смутило ее душу, столько лет рвущую сюда. Татьяна Александровна купила в Покровском двухсотлетний дом. Когда-то в нем жил местный священник, в тридцатые годы прошлого столетия он исчез из села бесследно, как исчезали тогда в России многие. В доме были то колхозная контора, то почта, то магазин. Теперь в нем живет подданная Австралии.

Каждый год приезжает она в Покровское, помогая меняться ему, да, наверное, и людям, что живут здесь. На ее деньги в селе заново отстроена колокольня и уже звонят на ней колокола, отлитые тоже на средства Татьяны Александровны. Завершается ремонт церкви. В прошлом году Татьяна Александровна смогла перевезти из Парижа и перезахоронить в родном Покровском прах деда Владимира Николаевича Брянчанинова.

– Это было совсем нелегко, – признается она. – Но я каждый вечер молилась об этом святителю Игнатию, и, знаете, все действительно как-то очень чудесно устроилось.

Побывала Татьяна Александровна и в Николо-Бабаевском монастыре, и на Толге, у мощей святителя Игнатия. Вряд ли можно считать все эти путешествия по России для нее, семидесятидвухлетней женщины, легкими. Но она оптимистично надеется и на будущие встречи.

– Буду приезжать в Россию так долго, как смогу. И надеюсь, что эти приезды станут более длительными. Потому что я люблю Россию и свое Покровское, – говорит она на прощание и тихонько добавляет: – И еще очень люблю мою избушку.

Ирина ХРУПАЛОВА.